

КРОВЬ БАСТАРДОВ

ЖАЖДА МЕСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛЕТТИ КЕЙН

Летти Кейн
Жажда мести

«Автор»

2026

Кейн Л.

Жажда мести / Л. Кейн — «Автор», 2026

Ее цель не просто убить. Ее цель — уничтожить. Двенадцать лет Франческа вынашивала план мести мафиозному клану. Чтобы подобраться к его наследнику, капо Филадельфии, она становится хирургом в одной из его легальных клиник. Марчелло сразу чувствует подвох. Дерзкий доктор слишком умна, хладнокровна и совсем его не боится. Но чем внимательнее он следит за Франческой, тем опаснее становится его интерес. Ее легенда рушится как карточный домик. И когда город захлестнет война кланов, Франческа окажется перед выбором: вонзить скальпель в сердце врага или прикрыть его собой. Но что, если настоящий враг всё это время был рядом? А тот, кого она поклялась убить, — ее единственная защита в аду, который вот-вот развернется?

© Кейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Летти Кейн

Жажда мести

Глава 1

Франческа.

Резко сажусь в кровати, хватая ртом воздух. В комнате темно, только полоска света из-под двери да блики от уличных фонарей на потолке. Руки трясутся. Я смотрю на них — чистые. Ни крови. Ни грязи. Только вены вздулись от того, как сильно я сжимала простыню.

Моргаю. Раз. Другой.

Где я?

Осматриваюсь. Чужая спальня. Стены из красного кирпича, кожаное кресло в углу, на стене абстракция, которую никто никогда не рассматривает. Кровать огромная, пустая, пахнет чужим кондиционером для белья.

Нью-Йорк.

Я в Нью-Йорке.

Выдыхаю. Медленно, сквозь зубы, чтобы не разбудить того, кто спит в соседней комнате. Хотя Никки спит так, что даже танк не разбудит.

Провожу ладонями по лицу. Кожа влажная, волосы прилипли к вискам. Кошмар. Опять.

Всюду кровь, я пытаюсь зажать артерию, а пальцы проваливаются в мясо.

Отбрасываю одеяло. Ноги касаются холодного пола, и это возвращает в реальность. Встаю, иду к окну. Раздвигаю шторы — Нью-Йорк спит. Где-то внизу проехала машина, фары скользнули по стене соседнего дома. Город огромный, шумный, но здесь, на верхотуре, тихо. Как в гробу.

Я люблю эту квартиру. Никки снимает ее уже третий год, хотя сама здесь почти не живет. У неё везде подушки безопасности — Лоренцо научил. Квартира на вымышленное имя, аренда через подставные компании, соседи думают, что здесь живет фотограф, который вечно в разъездах.

Умная девочка. Мы все умные. Бастарды должны быть умными, чтобы выжить.

Сзади скрипит дверь.

— Ты опять не спишь?

Никки стоит на пороге, трет глаза, волосы торчат в разные стороны. На ней моя старая футболка, которую она стащила пару лет назад и так и не вернула. Длинноногая и красивая до невозможности. Даже спросонья.

— А ты опять встала пописать и увидела свет в конце туннеля, — отвечаю я, не оборачиваясь.

— Угадала, — она шлепает босиком по полу, подходит сзади, кладет подбородок мне на плечо. — Кошмар?

— Ага.

Она молчит. Просто стоит, дышит в шею, и от этого тепла внутри что-то оттаивает. Никки единственная, кому я позволяю ко мне прикасаться так. Ну, еще Лоренцо иногда, но он обнимает по-братски, раз в год и только по праздникам.

— Я уже говорила, что тебе не идет этот цвет волос, — я поворачиваюсь, убирая от лица сестры светлые пряди. Было неожиданно после долгой разлуки увидеть ее блондинкой. Черноглазая итальянка со взрывным характером и копной кудрявых светлых волос. Просто магнит для мужиков в ее-то возрасте.

Никки фыркает.

— Он и не должен мне идти, — руки собирают локоны в небрежный пучок. — Просто так до всех быстрее доходит, что я «тупая кукла Николетта Гамбино». Ну и еще это бесит Вито.

На последней фразе она закатывает глаза, и скрывается в коридоре. Я весело ухмыляюсь. Бесить Вито — это у нас семейное.

Витторио, наш самый старший брат, отличается и своим законным положением и своим пренебрежением к нам, бастардам. Лоренцо даже пришлось увести нас в Италию после очередного инцидента. Официально — «чтобы защитить от врагов». На деле, чтобы спасти от вспышек ярости Вито.

Два года вдали от всего. Два года, когда мы стали настоящей семьей. Я, Лоренцо и эта мелкая бестия.

Нужен душ. Горячий, как котел в аду. Снова уснуть вряд ли получится, зато больше времени на подготовку. Я закрываю стеклянную дверку и с блаженством наблюдаю как поднимаются клубы пара, образуя конденсат. Ступаю под струи воды. Вода смывает все. Воспоминание, одиночество, боль. Даже месть уступает свое место ненадолго.

Надеваю неприметные джинсы и футболку. Каштановые волосы собираю в удобный узел. Как только выхожу из комнаты, сразу же слышу как Никки гремит на кухне, подпевая дурацкой попсе из колонок.

— Ты готовишь? — я приподнимаю бровь. — С каких пор?

— С тех пор как поняла, что еду из доставки ты не ешь, — она оборачивается, машет лопаткой.

Уголки моих губ приподнимаются в легкой улыбке. Боже, какая забота.

— Ты заболела? — отодвигаю высокий барный стул за островком и подпираю щеку ладонью. — Я вернулась из Флориды меньше суток назад, а ты все не перестаешь меня удивлять.

Слышу смешок. Она ставит передо мной тарелку. Яичница, бекон, тосты, даже зелень свеху. Плюхается напротив.

— Заканчивай быть вредной сукой, — мило протягивает она и обиженно скрещивает руки на груди. — Я вообще-то забочусь о сестре.

— Ты Лоренцо тоже завтраки готовишь? — Отправляю первый кусок яичницы в рот, прикрываю глаза. Надо отдать должное, бабуля в Италии научила-таки ее готовить. Вообще, мы там многому научились

— Лоренцо живет в ресторанах, — Никки откидывается на спинку стула, — так что смерть от голода ему точно не грозит. Я все еще надеюсь, что когда-нибудь он женится и перестанет быть нашей проблемой.

— Готова поспорить, что его невесту ты прикончишь раньше, чем она дойдет до алтаря, — я отпиваю кофе и смотрю на Никки поверх чашки с улыбкой. Долго. Она знает что я попала в точку. Нет никого ревнивее нее в этой семье. И Боже, храни ту женщину, что однажды решит войти в семью Гамбино.

Она хочет сказать что-то, но замирает. Входная дверь щелкает, и мы обе поворачиваем головы. Она что, не закрыла дверь? Я беру кухонный нож со стола и бесшумно встаю со стула, Никки поднимается следом.

В прихожей шаги. Уверенные, неторопливые. Мужские.

— Какого черта, Никки?! — раздается голос и в проеме появляется Лоренцо. — Вы гостей ждете? Я не во время?

Голос гневный, раздраженный. Еще бы. Столько лет учить нас выживать, бороться и убивать, и все ради того, чтобы ночью нас перерезали в собственных постелях из-за незакрытой двери.

Он старший среди нас, бастардов, и выглядит соответственно. Дорогой костюм, часы, которые стоят как моя машина, идеально зачесанные светлые волосы. С виду — интеллигент

до мозга костей, банкир или адвокат из хорошей семьи. На деле — тот еще гад. Умный, хитрый, опасный. Но наш.

— Лоренцо! — Никки бросается ему на шею, все еще сжимая в руке нож. Он чмокает ее в макушку, смотрит поверх нее на меня.

— Привет, сестренка.

Я киваю. Сажусь на прежнее место. Можно разжать пальцы и отложить кухонный нож. Можно расслабиться. Но пальцы не слушаются.

— Кофе будешь? — спрашивает Никки, уже таща его к столу.

— Буду. Постарайся не отравить — у меня сегодня много дел.

Он садится рядом, берет чашку, которую Никки сует ему в руки, и смотрит на меня в упор. Изучает. Как всегда.

— Выглядишь хреново, — говорит он без предисловий.

— Спасибо.

— Я серьезно. Ты спала вообще в последние дни?

— Может скажешь что-нибудь приятное, братишка? — я приподнимаю бровь, разворачиваясь к нему всем телом. Он ухмыляется. — Ты почти год меня не видел, пока я грела место для нашей семьи аж в Майами. Кстати, если тебе интересно, у нас есть все шансы протянуть руки и туда.

— Он уже все знает, — Никки пожимает плечами. — Готова поспорить, он своих людей даже к Вито подсунул. Правда Энцо?

Это правда. Лоренцо за годы научился лавировать. Он не лезет в открытую, но у него есть информаторы среди советников отца, среди охраны, даже среди приближенных Вито. Это его способ выживания — знать все и быть готовым ко всему. А, и самое главное, чему он нас научил: всегда быть полезным. Лоренцо ведет почти весь легальный бизнес семьи: алкоголь, недвижимость, рестораны — его вотчина. Даже Вито, который всех нас ненавидит, вынужден признавать, что Лоренцо приносит деньги.

Он делает глоток из своей чашки и морщится. Кофе, надо сказать, здесь правда дерьмовый. Он смотрит по очереди сначала на Никки, потом на меня. Ненавижу, когда он так делает.

— Витторио узнал, что ты в городе. Вот тебе приятное, — слышу как Никки уронила вилку, метнув в брата колкий взгляд. Сама спокойно отправляю в рот очередную порцию завтрака. Конечно этого следовало ожидать. Разве будет хоть один спокойный день, если ты родилась с клеймом Гамбино? Они знают каждый шаг, каждое передвижение. Только вот это давно не новость.

Телефон Никки разрывается тошнотворной трелью. Она, даже не взглянув, быстро сбрасывает звонок и откидывается на спинку стула.

— Cazzo, Франческа! Скажи что-нибудь, — не выдерживает она. Если бы не ее вопрос, мы с Энцо так бы и продолжили завтрак, будто ничего и не произошло.

— Что я должна сказать? — я смотрю прямо в ее черные глаза, голос ровный. — Что Вито — мудака? Это не новость. Что он мечтает избавиться от нас? Тоже. — Перевожу взгляд на брата. — Он хочет меня видеть?

Лоренцо тяжело вздыхает, проводит рукой по лицу.

— Всех нас, Фрэн. Он собирает совет сегодня.

Я чувствую как вилка в моей руке чуть вздрогнула. Потрясающе. Конечно, блять, давай прямо сегодня решим вопрос, который волнует меня последние несколько лет. Вито, гребаный, Гамбино. Хуже этого психа, только мой отец — кобель. Надеюсь они оба будут гореть в аду по соседству. Ежедневно бы видела их мучения и радовалась.

Видимо что-то в моих глазах развеселило брата и сестру. Я стараюсь придать лицу выражение холодной отстраненности, из-за которого чаще всего меня и называют сукой. Энцо кладет ладонь мне на колено и сжимает.

— Обожаю эти твои вспышки ярости, — он смеется. — Напоминают мне какая ты на самом деле, — он допивает кофе и со стуком ставит чашку на мраморный островок. — Так, сегодня в La Casa, в 7 вечера. Я жду вас обеих.

Он переводит взгляд с меня на Николетту, которая уже уткнулась в смартфон и с улыбкой на лице что-то печатает. Лоренцо выхватывает телефон из ее рук и почти припечатывает взглядом.

— К тебе у меня особая просьба, — с улыбкой протягивает он. Ни грамма веселья, скорее обещание отстрелить бошку. — Надень в этот раз что-то, что будет прикрывать твою задницу. У меня сегодня нет желания убивать кого-то из голодных псов Вито.

Секундная тишина и я взрываюсь смехом, видя поднятые руки Никки и ее скромную улыбку. Все мы помним, что Энцо сделал с охранником пару лет назад, когда случайно услышал в каких позах тот бы отымел его сестру.

— Я прослежу за ней, — отсмеявшись говорю я. Длина юбки точно будет целомудренной. Но красивую мордашку за тканью не спрячешь. Интересно, как ему еще не пришла в голову идея надеть на нас паранджу?

— Да, fratello, — она хлопает его по плечу, разворачивая к выходу. — Все будет путем. Если что, я сама в этот раз смогу прикончить ублюдков.

— Это очень меня успокаивает, — голос Энцо раздается уже из коридора. — В семь. Щелчок. Один. Два. На этот раз сестра все же заперлась изнутри.

Никки прислоняется спиной к двери, выдыхает, закатывает глаза к потолку.

— Ненавижу, когда он так делает. Как будто мы мелкие идиотки, которые без присмотра в лужу упадут.

— Ты и есть мелкая идиотка, — я допиваю остывший кофе и ставлю чашку в раковину. — Забыла?

Никки фыркает, отклеивается от двери и плюхается на диван, поджимая под себя длинные ноги. Футболка задирается, открывая идеальную кожу на бедрах. Она лениво тянется к телефону.

— Думаешь, Вито реально что-то задумал? Или просто вспомнил, что мы существуем?

— Вито ничего не делает просто так, — я иду в свою комнату, на ходу спрашивая: — Мишень на месте?

— Ага, — доносится из гостиной. — Хочешь сбросить пар?

Иду к себе, открываю спортивную сумку, которую привезла из Майами, и достаю ножи. Три метательных, с идеальным балансом. Лоренцо подарил на совершеннолетие.

В гостиной у Никки есть мишень — она держит её за шкафом-купе, чтобы уборщицы не видели. Я прохожу босиком, устанавливаю щит, отхожу на шесть метров. Выдох.

Первый нож входит в центр с глухим стуком.

— Хорошо пошло, — одобрительно кивает Никки, вставая рядом. Она берет свой нож, даже не целясь, отправляет его следом. В сантиметре от моего.

Мы метаем молча. Три подхода, потом еще три. Ножи входят в дерево, и этот звук успокаивает лучше любого психолога. С каждым броском я чувствую, как внутри отпускает. Мыслям становится легче, яснее.

— Думаешь, из-за Калабрезии весь сыр-бор? — спрашивает Никки, выдергивая ножи.

— Скорее всего. — Я возвращаюсь на линию. — Кому еще мы нужны.

— Вито Гамбино, — она закатывает глаза, кидает. — Ненавижу, когда он смотрит на нас сверху вниз. Как будто мы не родные.

— Для него мы не родные. Мы — бастарды. Ошибки отца.

— Пусть попробует сказать мне это в глаза, — она усмехается. — Я ему быстро объясню, кто тут ошибка.

Я улыбаюсь. Никки умеет злиться красиво. Но под этой внешней дурочкой — сталь. Лоренцо хорошо нас выучил. Мы не просто дети Альдо. Мы — оружие. Разведчицы. Солдаты. Зависит от ситуации и степени опасности. Мало кто будет подозревать красотку на шпильках.

— Ты поедешь, если предложат? — вдруг спрашивает она.

Я замираю с ножом в руке. Потом кидаю. Точно в центр.

— Да.

Она молчит. Подходит, забирает свой нож.

— Я так и знала.

— И не будешь отговаривать?

— А смысл? — Она пожимает плечами. — Ты все равно сделаешь по-своему. Ты всегда так делаешь.

Я киваю. Да, спорить сложно. Каков бы не был план, я всегда поступаю так как нужно мне.

Мы складываем ножи, убираем мишень. Время летит незаметно.

— Пора собираться, — говорю я.

Надеваю черное платье-пиджак, которое едва прикрывает задницу. Низкий пучок на голове заколот острой шпилькой. Никаких лишних украшений. Только глаза, подведенные так, что взгляд режет. Лоренцо, конечно, переживет мою длину юбки. А отрезать член любому, кто попробует тронуть, — это я смогу и сама.

В гостиной Никки мучается с застежкой на платье. Черном, облегающем каждую линию. Я подхожу и молча застегиваю молнию одним движением. Опускаю взгляд на ее ноги в лаковых красных туфлях. Никки, чтоб ее. Волосы распущены, макияж безупречный. Она похожа на рождественский подарок, который хочется развернуть. И который может взорваться в руках.

Машина Никки — черный «Порше» с тонированными стеклами — уже ждет возле входа. Она ведет агрессивно, как и все, что делает. Вечерний Нью-Йорк пролетает за окном, неоновые огни размазываются в цветные полосы. Я стараюсь не думать вообще ни о чем. Чтобы просто оставаться спокойной, чтобы не дать повода себя задеть.

— Франческа, — вдруг говорит сестра, не поворачивая головы. — Что ты будешь делать в Филадельфии? Одна

Я смотрю на дорогу перед собой. Что я буду делать? То, к чему готовилась столько лет.

— Работать. Ты же знаешь план.

Никки хмыкает. Сбрасывает скорость на повороте, потом снова вжимает педаль в пол.

— Интересно, скольких мужиков ты там успеешь уложить в постель, пока будешь ждать подходящего момента?

Я поворачиваю голову, смотрю на нее в упор. Она ухмыляется. Кто о чем, а Никки всегда о сексе.

— Что? Я просто интересуюсь стратегией.

— В Майами с этим проблем не было, — спокойно отвечаю я. Уголки губ приподнимаются в подобии улыбки.

Никки заливается смехом — звонким, искренним.

— Господи, Фрэн, ты развратница! — Она вытирает выступившие слезы. — Калабреззи даже не представляют, что их ждет.

— И не представят, пока не станет поздно.

Она кивает. На мгновение веселье исчезает.

— Только будь осторожна. Я не хочу тебя потерять.

Я киваю. Скорее себе. Никто не хочет терять сестру.

«La Casa» встречает приглушенным светом и запахом дорогого дерева. Ресторан Лоренцо. Он назвал его так не случайно — у бастардов нет дома, но есть место, где можно чувствовать себя в безопасности. Иронично, учитывая, что именно там нас ждет Вито со своей свитой.

Охранник на входе узнает Николетту, молча кивает. Мы проходим через основной зал — несколько столиков занято, но никто не поднимает головы. Здесь не бывает случайных людей. Все знают, кто платит за этот ужин, и чем может закончиться неуважение. Поэтому и пялиться на женщин, особенно на таких, никто не осмеливается.

Отдельная комната в глубине ресторана — большая, с длинным столом из темного дерева, тяжелыми портьерами и камином, в котором потрескивают дрова. Пахнет табаком и кофе, кожей и деньгами.

За столом уже сидят.

Лоренцо — расслабленный, в идеальном костюме, с чашкой эспрессо в руке — первый кого я вижу.

Витторио конечно занял место во главе, развалившись в кресле, с сигарой в зубах. Ему тридцать восемь, а мозгов, кажется, не больше чем у престарелого консьюльери Антонио. Где, кстати, эта старая змея?

А вот и он, по правую руку от Вито. Сколько он уже на этой должности? Лет сорок? Эта сволочь переживет нас всех. Он предан только власти, и не важно чьей.

Чувствую как пальцы сжимают клатч сильнее, чем необходимо. Вдох. Выдох. Никаких всплеск ненужных эмоций.

Боже, этого кто сюда позвал?

Рокко, капо Бостона. Здоровенный детина с разбитым носом. Абсолютная пешка Вито и верен ему как собака.

Замечаю у стен охрану. Руки скрещены, лица каменные. Ни одного знакомого лица, но на каждую крысу по двое солдат. Это что же? Вито переживает за свою безопасность рядом со своими сестрами?

Никки садится рядом с Лоренцо, посылая ему самую невинную улыбку. Он окидывает ее взглядом, задерживается на красных туфлях, потом переводит взгляд на меня. В его глазах — одобрение и легкая обреченность. Я сажусь напротив Витторио, скрещиваю ноги, смотрю прямо в его холодные глаза.

Отца нет. Конечно, нет. Дон Альдо уже несколько месяцев не покидает поместье — говорят, совсем плох. Должна ли я чувствовать хоть что-то? Сожаление? Печаль? Нет. Этот человек дал мне кров и образование, но никогда не считал меня частью семьи. Для него я просто ошибка, бастард от женщины из вражеского клана. Так что пусть горит в аду. Мне плевать.

— Спасибо, что пришли, — говорит Вито с усмешкой. Он противно растягивает слова и его «спасибо» звучит как оскорбление.

— Ты хотел нас видеть, — отвечаю я с ответной улыбкой. — Мы здесь.

— Вижу. — Он медленно обводит нас взглядом, задерживается на моем декольте, на ногах Никки. — Николетта, ты сегодня особенно... яркая. Новый любовник?

Никки улыбается — сахарно, приторно.

— Как же можно так говорить о сестре? Может быть, я рассчитываю, что ты объявишь о моей помолвке?

Рокко усмехается, быстро прячет лицо за стаканом. Антонио даже бровью не ведет. Вито багровеет, но сдерживается.

— Остроумно, — цедит он. Он скорее удавится, чем будет устраивать ее жизнь. — Ладно. Перейдем к делу.

Вито откидывается на спинку, затягивается сигарой.

— Хочу обсудить ситуацию с Калабрези.

Тишина становится гуще.

Калабрези — наша головная боль. Филадельфия, юг Нью-Джерси, фармация, стройки, недвижимость. И главное — игорный бизнес в Атлантик-Сити. Миллиарды долларов стекаются

в их карманы. Им нужен наш порт для поставок. Они готовы платить процент. Но война тлеет двадцать семь лет — с тех пор как наш отец спутался с Карлой Калабреззи.

Моей матерью.

— Отец хочет мира, — продолжает Вито. — Реального. Не перемирия, а союза. Чтобы мы контролировали побережье от Бостона до Филадельфии.

Лоренцо поднимает бровь.

— И что Калабреззи? Они согласны?

— Эмилио Калабреззи — старый дурак. — Вито выпускает дым и подается вперед. — Он готов на все, лишь бы сохранить власть. Но у него есть сын. Марчелло.

Имя врезается в грудь, как нож.

Вдох.

Вито смотрит на меня. Ждет. Провоцирует.

— Что, Франческа? Знакомое имя?

Внутри все закипает. Холодная, липкая ярость поднимается из желудка, сжимает горло. Марчелло, сука, Калабреззи.

Выдох.

Я медленно достаю из клатча сигарету. Закуриваю. Выдыхаю дым в его сторону. Убираю с лица все эмоции. Я не дам ему удовольствие видеть то, что внутри.

— Мы все знаем это имя, — говорю ровно, слегка наклоняя голову.

— Знаете. — Он усмехается. — Особенно ты. Ведь это он убил твоих приемных родителей, верно?

Какое же ты наслаждение получаешь, да, Вито? Любишь тыкать в больное, ублюдок. Интересно, у тебя вообще душа есть или вместо нее дыра, как у старого Антонио?

— Да, — отвечаю я.

— И ты хочешь мести.

— Я хочу справедливости.

Вито смеется — коротко, неприятно.

— Справедливости... В нашем мире нет справедливости, девочка. Есть только сила и выгода. — Он тушит сигару. — Но я позвал тебя не обсуждать твои чувства. У меня есть предложение.

Он кивает Антонио. Старик встает, разворачивает на столе карты.

— Смотрите, — Вито подходит к карте. — Нью-Йорк наш. Бостон мы делим с ирландцами, там пока стабильно. Филадельфия вся под Калабреззи, включая Нью-Джерси. Мы можем действовать открыто: перебить их и забрать Атлантик-Сити. Но война — это кровь, потери, внимание федералов, — он поворачивается ко мне. — А можем сделать все тихо. Подослать кого-то, кто войдет в доверие, узнает все схемы, слабые места, а потом... одним ударом уничтожит верхушку.

Тишина.

Лоренцо медленно ставит чашку.

— Ты предлагаешь Фрэн стать двойным агентом?

— Я предлагаю ей возможность, — Вито смотрит на меня. — Ты же хотела мести? Вот твой шанс. Убей Марчелло, и клан развалится. А мы заберем все, что когда-то принадлежало им.

Я затягиваюсь сигаретой. Внутри — ледяная ясность.

— И как ты себе это представляешь? — усмехаясь я. — Я приду в Филадельфию и скажу: «Ciao, Марчелло. Я по твою душу»?

— У тебя прекрасная легенда. Мы всей семьей работали на нее много лет. — Антонио подает голос — скрипучий, как несмазанная дверь. «Семьей?» Он что, блять, издевается? — Не стану напоминать тебе в какую сумму обошлось твое образование в медицинской школе.

Ты отличный врач. С безупречным опытом и рекомендациями. А у Марчелло, как известно, сеть клиник в городе. И нанимает он только лучших. Мы подготовим все документы.

Лоренцо смотрит на меня с тревогой. Страх нет — уже хорошо. Он верит, что я справлюсь.

— Франческа, ты не обязана, — говорит он, но это просто слова.

— Нет. Я хочу, — перебиваю я. — Я ждала этой возможности двенадцать лет.

Это правда.

Вито довольно улыбается.

— Вот и отлично. Тогда решено.

— Не так быстро, — я тушу сигарету и медленно поднимаюсь, подхожу к нему. — Если я убью Марчелло, что дальше?

— Неверный вопрос, «сестра». — Вито делает шаг в мою сторону. — Сначала узнай все.

Структуру, связи, слабые места. Мы ударим по всем сразу.

— А если они поймут, кто я?

— Тогда ты умрешь, — он пожимает плечами. — Но ты ведь и так знаешь, на что идешь.

Никки сжимает кулаки. Я чувствую ее ярость.

— А ты? — я смотрю Вито в глаза. — Что будешь делать ты?

Он усмехается.

— Я буду здесь. Готовить почву. А когда все закончится — скажу отцу про мой гениальный план. И получу то, что заслуживаю.

Губы Лоренцо медленно растягиваются в улыбке.

— Ты всегда умел красиво подставить других.

— Это стратегия, — Вито поправляет манжеты, будто уже знает ответ. — Решай, Франческа. Ты согласна?

Я смотрю на карту. На Филадельфию.

Двенадцать лет я шла к этому.

— Согласна.

Вито кивает.

— Тогда уже завтра ты должна быть на месте. Лоренцо введет тебя в курс дела, — он идет к выходу, но у двери останавливается. — И еще. Твоя мать ведь была кузиной Эмилио? Помни, что в твоих жилах течет кровь Калабрезии. Так что не удивляйся, если они примут тебя за свою.

Я смотрю на него. Как бы тебе доходчивее объяснить, что я уже на грани

— В моих жилах не больше калабрийской крови, чем в твоих — ирландской.

Вито багровеет. Его мать была ирландкой, и он ненавидит, когда ему напоминают об этом. Но он ничего не говорит. Просто выходит. Следом комнату покидают и остальные.

Никки выдыхает.

— Ты с ума сошла. Он это тебе не простит.

— Да пошел он, — я поправляю платье. Смотрю на Энцо. — Виски есть?

Лоренцо молча достает бутылку из встроенного в стену высокого шкафа, разливает по трем стаканам. Даже по аромату понятно, что напиток не из дешевых.

Никки тут же сбрасывает туфли, плюхается на диван, поджимая ноги. Я сажусь в кресло напротив.

— Ну и как вам «гениальный» план этого психа? — Энцо прищуривается, анализируя нашу реакцию.

— Как всегда, — начинает Никки, — полная хрень.

Я усмехаюсь.

— Ну почему же? В случае провала, он избавится от меня. И развяжет кровавую бойню вашими руками. Уберет сразу троих с шахматной доски, даже не запачкав руки.

Я смотрю в одну точку на столе. И знаю, что у брата и сестры сейчас такой же обреченный взгляд.

— Тогда за бастардов, — Лоренцо поднимает свой бокал.

Никки тянется к стакану. Я беру свой.

— За бастардов.

— Чтобы выжили.

— И отомстили.

Глава 2

Марчелло

Нью-Йорк воняет.

Серьёзно. Я стою в пробке на Вест-Сайд Хайвей уже сорок минут, за окном выхлопы, гарь, сырой воздух с реки — вся эта хрень пропитывает салон, несмотря на кондиционер. Санти за рулём молчит, только пальцы постукивают. Тоже бесится. Я его понимаю. Мы оба предпочли бы быть где угодно, только не здесь.

Порты контролируют Гамбино. Тридцать лет назад отжали и теперь держат за яйца каждого, кому нужно что-то провезти. Оружие, контрабанда — всё идёт через них. Хочешь работать на восточном побережье — плати.

Я хочу.

Отец, стратег хренов, решил, что отправлять наследника Калабрезе в логово врага — отличная идея.

«Ты должен учиться, Марчелло. Вести переговоры. Покажи им, что мы не боимся».

Я не боюсь, папуль. Я просто ненавижу тратить время на этих козлов. Но тебе не объяснишь. Тебе лишь бы отправить меня подальше, чтобы ты мог спокойно дышать.

— Шеф, — Санти кивает на вывеску порта. — Приехали.

— Вижу.

— Встреча в администрации. Третий этаж. Лоренцо Гамбино уже ждет.

— Надеюсь, он хотя бы кофе сварил приличный. После такого перегона мне нужно что-то, что вернёт меня к жизни.

Санти усмехается, но быстро прячет улыбку. Знает, что я не в настроении шутить. Он вообще много знает. Санти со мной больше десяти лет, и за это время ни разу не задал лишнего вопроса. Просто делает свою работу. Охраняет, возит, иногда слушает, когда мне надо выговориться. За это я его и ценю.

Выхожу из машины. Охрана рассредоточивается у входа — двое остаются снаружи, ещё двое идут со мной. Санти рядом. Потому что в этом районе даже днём можно получить пулю просто за красивый костюм.

Здание администрации — типичная нью-йоркская коробка. Стекло, бетон, пластик. Лифт пахнет дезинфекцией, как в больнице. Третий этаж, длинный коридор, дверь в конце.

Охрана Гамбино у входа. Два амбала, смотрят так, будто я уже должен им денег. Проверяют, кивают.

Открываю дверь.

Комната переговоров безликая до безумия. Длинный стол, стулья с высокими спинками, на стенах — фотографии порта в разные годы. У окна, спиной ко мне, стоит высокий мужчина в идеальном светло-сером костюме. Смотрит на воду. Картинная поза, блядь. Как будто он здесь хозяин жизни, а я так — пришёл просить милостыню.

— Марчелло Калабрезе, — говорит, не оборачиваясь. Голос спокойный, с лёгкой иронией. — Заходи. Любуюсь видом. Ты же не против?

— Мне насрать, чем ты любишься, Лоренцо. Давай к делу.

Он оборачивается.

Щегол. Светлые волосы зачёсаны назад, голубые глаза, улыбка вежливая, как у продавца в бутике. Костюм сидит идеально — даже после целого дня не помялся, сволочь. И взгляд... ни капли страха. Только любопытство. Как у кота, который играет с мышью перед тем, как сожрать.

— Кофе? — кивает на кофемашину в углу. — Свежемолотый. Доставляют прямиком из Неаполя.

— Чёрный. Без сахара.

Он наливает сам. Подаёт чашку. Рука не дрожит. Взгляд прямой, хотя просто сквозит презрением. Или мне кажется? Наверное, не кажется. Он бастард, но всё же Гамбино. Для них мы — враги.

Садимся за стол.

— Сам капо Филадельфии, — Лоренцо откидывается на спинку, рассматривает меня, как насекомое под микроскопом. — Лично. Я польщён. Но где же твой отец? Я готовился к встрече с боссом.

Усмехаюсь. Ну конечно. Ждали папочку.

— А я рассчитывал поговорить с капо Нью-Йорка. Но, видимо, Вито занят более важными делами. Чем же он там занимается? Считает деньги? Или прячется от тех, кому должен?

Лоренцо улыбается. Тонко, одними уголками губ.

— Мой брат не прячется, Марчелло. Он просто не разменивается на визиты наследников. Когда придёт твой отец — поговорит с ним. Если тот, конечно, доживёт. Говорят, он неважно себя чувствует в последнее время.

— Мой отец прекрасно себя чувствует. Спасибо, что интересуешься.

Пауза. В комнате тихо, только кондиционер гудит. Мы смотрим друг на друга. Я представляю, как достаю пистолет и простреливаю его красивую морду. Прямо между этих голубых глаз. Кровь зальёт белоснежную рубашку, он сползёт по стулу, и эта его вежливая улыбка наконец исчезнет.

— Тяжело быть наследником, — говорит он задумчиво. — Отец вечно недоволен, сестра... У тебя же есть сестра? Беатриче, кажется? Тоже, наверное, норовит урвать кусок пожирнее.

— Моя сестра не лезет в дела семьи, — прозвучало грубее, чем я ожидал. Ну а чего он хотел?

— Ах да, она же у тебя бухгалтер. — Лоренцо делает глоток кофе. — Я слышал, она даже на люди не выходит без своих дурацких очков. И кардиганов, скрывающих всё, что можно скрыть.

Внутри всё закипает. Если бы мы были не за столом переговоров, я бы уже вырвал ему язык. Но мы приехали заключить сделку. И я улыбаюсь.

— Ты, я смотрю, хорошо осведомлён о моей семье. А я о твоей — не очень. Что там у вас? Старший — псих, младшая — дура? Говорят, Nicoletta продолжает спускать состояние в бутиках.

Лоренцо смеётся. Вживую. Заразительно даже. А должен был бы разозлиться.

— О, Nicoletta — это отдельная песня. И чего только не простишь сестре за красивую мордашку, верно? — он делает вид, что задумывается. — Хотя, откуда тебе знать

Я сжимаю чашку. Костяшки белеют. Фарфор жалобно поскрипывает. Лоренцо замечает. Улыбается шире. Ему нравится меня бесить. Он получает от этого удовольствие. Нужно заканчивать этот фарс, пока я не превратился в чудовище и не развязал войну, которая нахрен никому не нужна.

— Давай к делу, — говорю я ровно, ставя чашку на стол. — Мне нужен доступ к порту. Контейнеры будут доставлять раз в месяц. Товар — медицинское оборудование. Легально, с документами.

— Легально? — он приподнимает бровь. — С каких пор Калабрезе возят легально?

— С тех пор, как мы открыли клиники и фонды. А ты, я смотрю, не следишь за новостями. Или твои информаторы плохо работают.

— Слежу. Просто не верю.

— Это твои проблемы. Цена?

Лоренцо ставит чашку. Смотрит на меня в упор. Теперь он серьёзен. Игра закончилась, начался бизнес.

— Двадцать процентов.

— Десять.

— Восемнадцать.

— Двенадцать. И я подумаю, не начать ли мне искать другие каналы.

— Других каналов нет, Марчелло. Ты же знаешь. На всём восточном побережье порты наши.

— Значит, мне придётся их создать. Ты же не хочешь новых конфликтов?

Он молчит. Долго смотрит. Потом достаёт пачку сигарет, протягивает мне.

— Я не в настроении для перекура.

— Зря. Нервы у тебя ни к черту.

Закуривает сам. Выдыхает дым в потолок. Следит за ним глазами, будто там написано решение.

— Пятнадцать. Это последнее слово. И мы гарантируем сохранность. Никто не тронет твой груз на нашей территории.

— Четырнадцать. И я согласен.

— Четырнадцать с половиной, — он слегка улыбается, прищурившись. — Чтобы я выглядел прилично перед своим братом.

Усмехаюсь. Торгуется, гад. Но умеет. Не переживает, не ломается. Знает цену.

— Идёт.

Встаём. Пожимаем руки. Его ладонь сухая, твёрдая. Рука убийцы, в гребаной перчатке вежливости. Интересно, скольких он уже убил? Или предпочитает, чтобы убивали другие? Такие, как он, обычно пачкаются редко.

— Надеюсь, сделка, заключённая с тобой, имеет силу, — говорю холодно. — А то вдруг твой брат решит, что ты не имел права договариваться?

— Имеет, — Лоренцо улыбается. — Вито занят другими вещами. Ему не до порта.

— Чем же?

— Своими демонами. — Он тушит сигарету. — Рад был повидаться, Марчелло. Передавай привет отцу. И сестре. Особенно сестре.

— Сам передашь, если рискнёшь сунуться в Филадельфию.

— Рискну. Обязательно рискну. У нас теперь общий бизнес. Надо будет встретиться, обсудить детали. Может, даже поужинаем. Я знаю отличные места.

Мы смотрим друг на друга ещё секунду. Потом я разворачиваюсь и выхожу.

В коридоре выдыхаю.

Ну и день.

— Всё в порядке, шеф? — Санти косо поглядывает на дверь, будто за ней сам дьявол.

— Да. Пошли отсюда.

В машине молчу минуты три. Смотрю в окно на портовые краны. Мы выгружаем с территории порта и Нью-Йорк снова встречает нас пробками.

— Иногда я думаю, — говорю вполголоса, — проще было бы жениться на ком-то из Гамбино, чем платить им за порт.

Санти косится на меня.

— На ком, шеф? На Вито?

— На Никоlette

Санти молчит. Ждёт, что я скажу дальше.

— Но нахрен, — усмехаюсь. — Жена — это ответственность. А жена из Гамбино — это шпионка в моём доме. Лучше сразу себя кастрировать.

Санти выдыхает и я вижу как на его лице появляется едва заметная улыбка.

Как только въезжаем в Филадельфию, звонит телефон. Беатриче. Будто чувствует, что я вернулся.

— Ты где? — голос сестры напряжённый.

— В пути. Только что из Нью-Йорка.

— Как прошло?

— Нормально. Четырнадцать с половиной.

Она выдыхает и я почти вижу, как она сдавливая переносицу пальцами. Дурацкий жест.

— Дорого. Отец будет недоволен.

— Знаю. Но выбора нет.

В её голосе появляется злость.

— Отец отправил тебя в логово врага, чтобы ты там договаривался, как мальчик на побегушках. Он специально нас разводит, Марчелло. Чтобы мы не стали угрозой для него.

— Я знаю, Беа.

Смотрю в окно. Мы проезжаем мимо небоскрёбов Liberty Place.

— Санти, тормозни у башни, — говорю вполголоса, прикрыв динамики.

Он сбрасывает скорость. Беатриче в трубке вздыхает.

— Только не говори, что пойдёшь сейчас вытрясать душу из своей подстилки.

— Беа...

— Фу, Марчелло. Мне противно.

— Ты бы лучше тоже сняла напряжение. Выдохнула.

— Напряжение я сниму в зале. Ты главное не повесь на себя сифилис.

— Стерва. — усмехаюсь. — Дорогая моя сестра, у тебя язык острее моего ножа.

— Предохраняйся, придурок. И не задерживайся. Отец ждёт.

Она отключается и я выхожу из машины.

Лифт пахнет дешевым освежителем и чужими духами. Нажимаю пятнадцатый. Зеркало напротив показывает уставшую рожу в помятом костюме. Галстук съехал, под глазами тени. Красавец, блядь.

Анна, моя умная, исполнительная ассистентка, ведет все мои легальные дела — фонды, документы, благотворительность. Три раза в неделю она делает кое-что еще. Иногда четыре. Зависит от того, насколько хреновый был день.

Никаких чувств. Никаких эмоций. Никаких «а давай сходим на ужин». Просто работа и разрядка. Я плачу ей столько, что она могла бы купить небольшую квартиру в центре. Ей этого достаточно.

Надеюсь.

Вхожу без стука.

Офис непримечательный — стекло, хром, бежевые стены. Солнце бьет в окна, пыль танцует в лучах. Она сидит за столом, что-то печатает, склонив голову. На ней строгая юбка-карандаш, белая блузка, туфли-лодочки на тонком каблуке. Волосы стянуты в тугий пучок, на губах розовая помада — дурацкий цвет, но ей идет.

Услышав шаги, она поднимает голову. В глазах — удивление. И радость. Слишком много радости, мать ее.

— Марчелло! Ты не предупредил, я бы...

— Запри дверь.

Она встает, идет к двери. Я смотрю, как двигаются бедра под тканью. На каблуках ноги выглядят еще длиннее. Пальцы сами сжимаются в кулак. Мысленно я уже там, внутри нее, выбиваю все дурь из своей головы. Она щелкает замком, поворачивается, прислоняется спиной к двери. Грудь вздымается чаще. Глаза блестят.

— Тяжелый день? — спрашивает тихо, чуть охрипшим голосом. Знает, что это мне нравится.

— Подойди.

Она подходит. Медленно, будто дразнит. Останавливается в полушаге — достаточно близко, чтобы я чувствовал запах ее духов, и достаточно далеко, чтобы тянуться. Глупая игра. Я беру ее за затылок, сжимаю волосы в кулак, притягиваю к себе. Целую жестко, требовательно, врываясь языком. Без нежности. Без прелюдий. Она отвечает — языком, губами, прижимается всем телом, пальцы впиваются в мои плечи. Хорошо отвечает, черт возьми. Знает, как надо.

Разворачиваю, толкаю ее к столу. Она упирается руками в столешницу, прогибается в спине, отставляя задницу. Идеально. Юбка задирается, открывая кружево чулок — черное, французское, дорогое. Ждала. Знала, что приду.

— У меня мало времени. Так что никаких разговоров.

— Да, — выдыхает она, и в этом выдохе — готовность на все.

Задираю чертову юбку до талии. Мои пальцы скользят по ее спине, по позвоночнику, чувствуют, как она дрожит. Или мне кажется? Плевать.

Она ждет, дышит часто, смотрит через плечо. В глазах — голод.

Вхожу резко, одним толчком. Она вскрикивает, впивается ногтями в стекло. Я закрываю глаза и просто двигаюсь. Ритмично. Глубоко. Жестко. Выбиваю из себя весь день — Лоренцо с его улыбочкой, проценты, порт, отца.

Анна стонет, что-то шепчет. Я не слушаю. Слова не важны. Важен ритм. Важно, как сжимается все внутри нее, как она подается навстречу. Важно, что с каждым движением голова становится чище. Ярость уходит в нее, оставляя меня пустым.

Она кончает — быстро, судорожно, вскрикивая и расслабляясь. Я даже не замедляюсь. Мне нужно получить свое. Еще несколько толчков — и я взрываюсь, утыкаясь лбом ей между лопаток. Стою так секунду, ловя дыхание. Мышцы дрожат.

Выхожу. Поправляю брюки. Затягиваю ремень.

Она медленно выпрямляется, поворачивается. Щеки горят, губы припухли, помада размазана. Глаза мутные от возбуждения. И в них — надежда. Господи, опять эта надежда. Смотрит на меня, как щенок, который ждет, что его поглядят.

— Марчелло...

— Не надо, — голос ровный. Не хочу смотреть ей в глаза, не хочу слышать, что она скажет.

Достаю бумажник. Вытаскиваю несколько купюр — даже не считаю. Кладу на тумбочку. Много. Очень много.

— Купи что-нибудь.

Она смотрит на деньги. Потом на меня. Губы дрожат. Глаза становятся мокрыми — по-настоящему, слезы уже наворачиваются.

— Я не за деньги... — голос срывается, почти шепот.

— Знаю. Поэтому и даю.

Разворачиваюсь и выхожу. Пока не разревелась. Пока не сказала того, что заставит меня чувствовать себя еще хуже.

Дверь закрывается. Щелчок замка. И тишина.

В коридоре останавливаюсь, прислоняюсь к стене. Закрываю глаза на секунду.

Что она там говорила? «Я не за деньги»... Блядь. А за что, интересно? За красивые глаза? За то, что я такой замечательный? Мы же договаривались.

Придется искать новую. Опять. Потому что эта начала верить в сказки. Будто я могу быть кем-то другим.

Выдыхаю. Толкаюсь от стены. Иду к лифту.

Четырнадцать с половиной процентов. Лоренцо, сука, выторговал. Хотя мог бы и восемнадцать выбить, если бы надавил. Но не стал. Почему? Потому что умный. Потому что знает, что война никому не нужна. Пока не нужна.

Интересно, Вито реально псих или просто прикидывается? Лоренцо на его фоне просто ангел. Но ангелы, блядь, самые опасные твари в нашем мире.

Лифт приезжает. Захожу. Еду вниз. В ушах звенит от тишины.

Беа права. Отец нас разводит. Специально отправляет меня в Нью-Йорк, а её заставляет сидеть с бумажками. Чтобы мы не встречались, не говорили, не планировали. Бойтся. Чувствует, что мы сильнее. Что если объединимся — он нам станет не нужен.

А он нам и не нужен. Только Беа пока не готова. Бойтся сорваться. Бойтся, что если убьёт ещё раз — крыша поедет окончательно.

Я её понимаю. Но время не ждёт. Отец ищет способы от нас избавиться. Женится даже, хочет новых наследников.

Первый этаж. Двери открываются.

Иду к выходу. Лобби большое, светлое, люди снуют туда-сюда. Кто с кофе, кто с телефонами, кто просто так.

Надо позвать Беатриче к себе. Поговорить. Решить, что делать с отцом. Может, пора уже...

Сильно задеваю кого-то плечом.

— *Che cazzo fai?* — злой женский голос. — Мудила!

Я замираю. Оборачиваюсь.

Девушка. С пробежки. В леггинсах и топике, на голове бейсболка, в ушах наушники. Уже идёт к лифтам, даже не оглядывается. Волосы тёмные, собраны в хвост. Загорелая кожа. И осанка... такая, будто она здесь хозяйка, а я так — случайный прохожий на её пути.

— Чего? — говорю вслух.

Она не оборачиваясь показывает мне средний палец. Чётко, уверенно.

Вот сука.

Я смотрю ей вслед. Она скрывается в лифте. Даже лица не разглядел толком. Но сказала она... по-итальянски. «*Какого хрена делаешь?*»

Интересно.

Если бы не надо было срочно к отцу с отчётом, догнал бы. Просто чтобы посмотреть в глаза. Посмотреть, кто эта смелая женщина, которая посылает незнакомых мужиков в лобби.

Хотя... может, и к лучшему. После такого приключения гнев немного отпускает. Даже забавно.

Выхожу на улицу. Сажусь в машину.

— Куда теперь, шеф? — спрашивает Санти.

— К отцу. Пусть порадуется своим победам.

— Все в порядке?

— Да так... — смотрю в окно, на башню. — Девушку встретил. Послала меня нахер.

Санти хмыкает, его брови удивленно поднимаются.

— Красивая?

— Не видел.

— А послала как?

Я качаю головой, усмехаясь.

— Громко.

Он смеётся, параллельно отправляя смс. Я тоже. Хорошо, что он понимает все без лишних вопросов. Машина послушно вырывается на шоссе.

— Санти.

— Да?

— Узнай, кто живёт в этой башне. Все жильцы, офисы, арендаторы. Мне нужен список.

— Уже, босс. К вечеру будет вся информация.

Я киваю.

Филадельфия проплывает за окном. Серый город, серые люди. И где-то там, в этой серости, есть бесстрашная девушка, которая сказала «мудила» так, будто знает меня сто лет.

Хороший день.

Надеюсь, отец его не испортит.

Особняк Калабреззи стоит на окраине, в районе, где богатые люди прячутся за высокими заборами от реальности. Два этажа, старый камень, увитый плющом, парк с фонтаном, который зимой не работает. Всё должно выглядеть солидно, дорого, опасно. Все так и выглядит.

Ворота открываются. Охрана узнаёт машину и пропускает внутрь.

Выхожу. Воздух здесь чище, но пахнет всё равно сыростью. И лицемерием.

Внутри всё как всегда. Мраморный пол, хрустальные люстры, картины в золочёных рамах. Отец считает себя ценителем искусства, хотя не отличает Рембрандта от Ван-Гога. Лестница на второй этаж расходится двумя крыльями. Налево — крыло отца и его новой жены. Направо — моё и Беатриче. Мы там почти не живём, но комнаты держим. Для вида.

Иду на второй этаж. Кабинет отца в конце коридора. Дверь дубовая, тяжёлая. Охрана снаружи кивает. Значит, ждут только меня.

Кабинет выглядит как зал заседаний мафиозного синдиката из плохого кино. Длинный стол из красного дерева, на стенах — портреты предков, которые наверняка воровали не меньше нашего, тяжёлые портьеры на окнах. Пахнет сигарами и полиролью.

За столом — отец. Босс. Эмилио Калабреззи. Седеющий, с лицом, которое не выражает эмоций, когда надо, и выражает презрение, когда не надо. Сидит во главе, как паук в центре паутины.

Справа от него — консьюльери. Винченцо Матерацци. Старый, сморщенный. Лысый череп блестит в свете лампы так, что хочется зажмуриться и никогда больше не видеть этой рожи. Он с отцом ещё с тех времён, когда Калабреззи почти ничего не имели. Предан ему, как пёс, и так же опасен.

Слева — Паоло Росси, капо Нью-Джерси. Пятидесятилетний мужик с цепким взглядом и руками, которые помнят не один десяток задушенных.

Рядом с отцом, чуть поодаль — Беатриче.

Моя сестра. Мой близнец. Моя половина, хотя никто, кроме нас, этого не понимает.

На ней дурацкий кардиган — серый, мешковатый, скрывающий фигуру. Волосы стянуты в тугий хвост, на носу — очки в тонкой оправе. Она сидит, уткнувшись в бумаги, и делает вид, что проверяет цифры.

Никто не знает, что эти бумаги — только прикрытие. Что она считает не проценты, а шаги охраны, выходы, слабые места. Никто не знает, что эта серая мышь — лучший убийца, которого я когда-либо видел. Кроме меня.

— Марчелло, — отец не встаёт. Кивает на место напротив. — Садись. Докладывай.

Я сажусь на свое место. Смотрю на него. Прямо, без тени сомнения.

— Четырнадцать с половиной процентов. Доступ к порту будет обеспечен раз в месяц. И они дают гарантию сохранности груза.

— Это очень много, — скрипит Винченцо.

Я смотрю на него. На его лысую бошку, на старческие пятна, на морщинистую шею. Представляю, как беру его за затылок и с размаху бью головой об этот полированный стол. Раз. Хруст. Два. Кровь заливает красное дерево, он дёргается, хрипит... Да. Именно так я и сделал бы.

— Это лучшая цена, — спокойно продолжаю я. — Лоренцо Гамбино умеет торговаться. Я выбил максимум. Он мог остановиться на двадцати.

— Лоренцо? — отец приподнимает бровь. — А Витторио почему не пришёл?

— У него дела поважнее. Демоны там какие-то. Или просто решил, что я не достоин разговора с будущим боссом.

— Молокососы, — усмехается отец. — Совсем не уважают.

— Даже хорошо, что встречу провел Лоренцо, — я откидываюсь на спинку стула. — Он бизнесмен. Никто кроме него не предоставил бы нам таких условий.

Паоло Росси хмыкает.

— Гарантии Гамбино... всего лишь слова. Но порт нам нужен. Без него мы застрянем с поставками в Атлантик-Сити.

Да что ты знаешь про этот город, ублюдок? Это моя территория. Казино, отели, игорный бизнес — всё подо мной. Я поднял это дерьмо из грязи, превратил в стабильный доход. Пока отец играл в босса с сигарой, я вкалывал, договаривался с отельерами, отмывал деньги через легальные заведения. И теперь все это приносит доход больше, чем весь нелегальный бизнес Нью-Джерси.

— В Атлантик-Сити всё стабильно? — спрашивает отец, глядя на меня.

Чувствую как дергается мускул на щеке, как ручка в моих руках вот-вот треснет.

— Да. Поток растёт. Но нам нужно расширяться. Ирландцы суются со своими винокурнями. Мало им Бостона, теперь хотят долю в казино.

— Ирландцы... — Винченцо кривится. — Шеймус Маккенна уже не знает, куда деть свой виски. Лезут везде.

— Вот именно, — поддерживаю я. — Если мы не усилим позиции, они смогут забрать часть. Нужен союз с Гамбино, чтобы закрыть им доступ к портам. Иначе они через свои каналы начнут вливать контрафакт.

Отец задумывается. Потом переводит взгляд на Беатриче.

— Беатриче. В ближайшее время проверишь все доходы с Атлантик-Сити лично. Мне нужны цифры, которые я могу показать Гамбино, если дойдёт до объединения. И без ошибок.

Она поднимает глаза, кивает.

— Конечно, отец. Сделаю.

В её голосе ни тени эмоций. Только послушание. Но я знаю: внутри она уже прокручивает, как с минимальными усилиями вытащить из этой проверки максимум информации для нас.

— Хорошо, — отец откидывается в кресле. — Марчелло, можешь идти. А ты, Беатриче, останься. Я хочу кое-что обсудить.

Я встаю. Выхожу. Нужно дождаться сестру, нам есть о чем поговорить.

В коридоре меня настигает голос:

— Марчелло! Дорогой! Ты уже вернулся?

Лючия.

Новая жена отца. Язык не повернется назвать ее мачехой: она младше меня и Беатриче на пять лет. Блондинка с формами, которые она выставляет напоказ даже в домашнем халате. Красивая, глупая и опасная тем, что может родить отцу нового наследника. И тогда нас с Беа отправят в утиль. Или хотя бы попытаются.

Лючия выплывает из гостиной. Шелковый халат распахнут ровно настолько, чтобы я видел кружево белья. Подходит ко мне, кладёт руку на грудь.

— Ты такой хмурый, — голос мурлыкающий. — Тяжёлый день? Оставайся на ужин. Я велела приготовить твоё любимое...

Её пальцы на моей груди — как прикосновение змеи. Я чувствую, как мышцы каменеют, как челюсть сжимается. Внутри всё орёт: убери руку, сука. Сейчас. Иначе я её сломаю. В прошлый раз она предлагала родить «наследника» мне — от отца же толку мало, а кровь должна продолжаться. Меня тогда чуть не вывернуло прямо на ее туфли. И тошнит, кстати, до сих пор.

— Спасибо, Лючия, — холодно отвечаю я. — В другой раз. У меня дела.

Она не убирает руку. Смотрит в глаза, улыбается. Провоцирует.

— Мы же семья. Надо чаще собираться вместе, общаться... Ты такой занятой, Марчелло.

Беатриче выходит из кабинета. Замирает на секунду, глядя на нас. В её глазах — сталь.
— Беатриче, дорогая, — Лючия поворачивается к ней, не убирая руки с меня. — Как прошло совещание? Вы такие молодцы, работаете, а я тут скучаю одна...

— У нас всё хорошо, — отвечает Беа ровно.

— Я провожу Марчелло, — Лючия снова смотрит на меня. — Нам нужно обсудить кое-что. По хозяйству.

— Не нужно, — я осторожно беру её запястье и убираю руку. Слишком осторожно. Потому что если сжать сильнее — кости хрустнут.

Мы с Беа уходим. Слышу за спиной её смех. Или мне кажется?

На улице я выдыхаю. Воздух холодный, резкий.

— Тварь, — говорю я, зажмуриваясь.

— Я предупреждала, — Беа открывает водительскую дверь, но не садится. По глазам видно ее гнев. — Она тебя хочет. И не только в постель. Она хочет, чтобы ты убил отца и сделал её своей женой. Хренова королева.

Сажусь в машину рядом с ней.

— Я скорее удавлюсь.

— Знаю. И если дойдет до бойни, эту суку я убью первой, — она резко вырывает со двора, слышно только гравий из-под колес.

— Куда едем?

— На ринг.

Я усмехаюсь. Знаю это место. Подземный зал, где она сбрасывает напряжение. Где мы иногда встречаемся, чтобы не убивать людей. Потому что если не выпускать пар — крыша едет окончательно.

Едем молча. Минут двадцать. Зал на окраине, в промзоне. Вывеска «Спортклуб», но внутри — ринг, груши, маты. Никого. Беатриче договорилась.

Внутри пахнет потом, кожей и железом. Любимый запах.

Беатриче раздевается. Снимает этот уродливый кардиган, очки, стягивает волосы в хвост. Под серой тряпкой — спортивное тело. Ровный загар, кубики пресса, шрамы, которых никто не видит. Она надевает шорты и майку, бинтует руки. Движения точные, выверенные.

Я тоже переодеваюсь. Мы выходим на ринг.

— Правила? — спрашиваю, прищурившись.

— Никаких правил.

Она атакует первой. Серия ударов — быстрых, точных, как у машины. Я блокирую, ухожу, отвечаю. Попадаю по корпусу. Она даже не морщится.

— Хорошо, — резко выдыхает сестра.

— Не расслабляйся.

Мы кружим. Я наношу удар — она ныряет, бьёт в корпус. Больно. Твою мать, как же больно. Но это правильная боль. Чистая. Не та, что в душе, когда думаешь об отце, о Лоренцо, о Лючии. Эта боль лечит.

— Отец... — удар, блок, — ...хочет выдать меня замуж.

— Что? — я пропускаю удар в челюсть. Голова звенит. — За кого?

— За Вито Гамбино.

Я замираю.

Гамбино? Замуж за психа Вито?

Она пользуется моментом — бьёт в печень. Сгибаюсь, хватая воздух. В глазах темнеет.

— Не отвлекайся! — кричит она.

Выпрямляюсь. Смотрю на неё. В глазах — ни страха, ни паники. Только хищный блеск. И злость. Такая же, как у меня.

— За Вито? — переспрашиваю. Она кивает.

— Говорит, союз с Гамбино укрепит позиции. Ирландцы не сунутся, если мы породнимся.

— И ты согласна?

Она усмехается. Хищно, зло. Узнаю свою сестру.

— А ты как думаешь?

Я смотрю на неё. На её стойку. На её глаза. И вдруг из моей груди вырывается смех. Дикий, неподконтрольный. Мою сестру невозможно заставить делать то, чего она не желает. Она скорее пустит папаше пулю в лоб, чем выйдет замуж. Боль в печени отпускает.

— Представил картину, — пытаюсь стереть слезы от смеха. — Ты выходишь за Вито и в первую брачную ночь...

— Отрезаю его крошечный член, — заканчивает она спокойно.

Она снова атакует. Я блокирую, перехожу в контратаку. Серия ударов — корпус, голова, корпус. Она уходит, но один пропускает. Прямо по скуле. Рассечение? Нет, просто краснеет. Завтра будет синяк.

— Тогда уж точно сорвёшься, — говорю, тяжело дыша. — Устроишь кровавую баню. Всем Калабрезе придётся зачищать за тобой. Отец будет в ярости.

Она улыбается. И бьёт. Сильно, зло. Я едва успеваю закрыться. Удар приходится в предплечье, рука немеет.

— Просто мечта, а не сестра.

— Другой мне не надо.

Мы сцепляемся в клинч. Стоим, тяжело дышим друг другу в лицо. Пот заливает глаза, мышцы горят. Я чувствую её запах. Знакомый, родной. Запах крови, пота и чего-то такого, что бывает только у близнецов. Когда знаешь другого лучше, чем себя.

— Что делать будем? — спрашиваю я. Нужно готовить план заранее. Если ситуация реальна, даже навыков Беа может не хватить.

— Пока ничего. Тянем время. Сказала, что надо подумать, что Вито опасен и однажды уже проявил себя. Он купится.

— А если нет?

— Тогда придётся действовать. — Она смотрит мне в глаза. — Ты готов?

— Всегда.

Расцепляемся. Снова бой. Удары, блоки, уходы. Я пропускаю в корпус — выплёвываю воздух. Она получает следом — кривится, но держится. Мы не жалеем друг друга. Потому что знаем: завтра это может спасти нам жизнь.

И потому что это единственный способ оставаться людьми. Выпускать пар, злость, страх. Если не делать этого здесь — то можно сорваться. К сожалению, людям свойственно умирать. Или к счастью.

— Ещё по раунду?

— Давай.

Она кивает. И мы снова сходимся.

Ринг скрипит под ногами. За окнами Филадельфия зажигает огни.

А здесь — только мы. Двое близнецов, которые умеют убивать. И любят друг друга так, как никто не поймёт.

— Бей, — говорит Беа.

Я бью.

В раздевалке, под горячей водой, мысли приходят в порядок. Вода смывает кровь, пот, запах Лючии с её дурацкими духами. Стою, упиравшись руками в кафель, даю спине отдохнуть.

Слышу, как пришло уведомление на телефон. Санти, наверное, прислал список жильцов из той башни. Надо будет глянуть... завтра. Или никогда.

Слишком хреновый день, чтобы искать приключений.

Глава 3

Франческа

Асфальт под ногами пружинит, и каждый шаг отдаётся в коленях. Восьмой круг. Я сбилась со счёта где-то на пятом; просто бегу, потому что если остановлюсь — начну думать. А думать о том, что через несколько часов увижу его, мне не хочется.

Филадельфия дышит в лицо сыростью. Город как город — чистенький, прилизанный, дорогой. Всё из стекла и бетона, и за каждым стеклом — деньги Калабрезии. Вон то офисное здание — их. Вон та клиника, где я теперь вкалываю по двенадцать часов, — их. Краны в порту, контейнеры, даже эта набережная построена на их деньги. Хорошо же они здесь устроились.

Ветер с реки Делавэр пронизывает насквозь. Вода в ней серая, грязная, буксиры медленно ползут по течению. Интересно, сколько трупов тут всплыло? Или Калабрезии предпочитают закапывать тела в лесах Нью-Джерси? Надо будет спросить у Лоренцо: у него наверняка есть статистика.

Я в леггинсах и ветровке, волосы прилипли к лицу, пот заливает глаза. Навстречу попадают несколько мужчин в деловых костюмах, смотрят на мои ноги. Я даже не замедляюсь. Пусть смотрят.

Добегаю до поворота и сбавляю темп. В ушах шумит, лёгкие горят. Хорошо. Хотя бы сейчас я чувствую что-то, кроме этой холодной ненависти, которая сидит под рёбрами.

Перехожу на шаг, сворачиваю по широкому тротуару прямо к высокой башне — моему новому дому на время пребывания в Филадельфии.

В лобби снуют толпы людей, пахнет кофе и выпечкой из небольшой пекарни на первом этаже. Я захожу, вытирая лицо краем ветровки, иду прямо к лифтам в жилые помещения. Нажимаю кнопку.

Квартиру в этом доме я выбрала не случайно. Марчелло Калабрезии имеет ряд привычек, о которых я узнала за эти две недели.

Двери открываются, и мне улыбается стройная девушка в бежевом пальто и на убийственных шпильках. Дружелюбно так улыбается, по-соседски.

Анна. Одна из постоянных привязанностей этого ублюдка. Собственной персоной.

— Доброе утро, — вежливо отвечаю на ее улыбку и отступаю на шаг, чтобы пропустить.

— Доброе. Бегаете даже в такую погоду? — она поправляет свою укладку перед огромной зеркальной стеной. — Завидую вашему упрямству.

Она даже и представить не может, что я еще делаю в такую погоду. Кивнув, захожу в лифт и нажимаю свой этаж. Двери закрываются, и я позволяю себе улыбку. Кривую, злую.

Вкус у Калабрезии предсказуем. Анна — блондинка. Длинноногая, с идеальной кожей и глазами лани. На каблуках ходит так, будто родилась на них. Волосы всегда уложены, макияж безупречный. Дорогая кукла. Если в его вкусе блондинки, тогда у нас проблема. Потому что менять цвет волос я точно не собираюсь.

Марчелло приезжал к ней в офис три раза в неделю, и все мы понимали зачем.

Интересно, что случилось? Неделю он здесь не появлялся. Нужно узнать, в городе ли он. Хотя чутье мне подсказывает, что бедная девушка просто ему надоела. Такие как она смотрят щенячьими глазами и надеются.

Они всегда надеются.

Что бы она сказала, узнай, что все это время ее трахал убийца?

Лифт издает противный звук и двери открываются. Моя дверь слева в самом конце коридора. Двадцатый этаж, квартира 20G. Аренда оплачена на полгода вперед. Хозяйка уверена, что сдает ее врачу из клиники, которая приехала по контракту.

Собственно, так оно и есть.

На образовании настаивал Лоренцо, и я не думала долго: выбрала профессию своего приемного отца. Динелли. Такую фамилию я носила пятнадцать лет, пока Калабреззи не ворвались в наш дом. Они знают это имя — они вырезали его на моей памяти ножом. Смыли кровь. Поэтому в пятнадцать, когда Лоренцо оформлял мне новые документы, я наотрез отказалась от всех связей с прошлым. Никаких Динелли. Никаких Гамбино. Этой фамилии у меня никогда не было. Я бастард, выброшенный на помойку, а не принцесса мафии. Так появилась Франческа Бруно. Никому не известная, никому не нужная, чистая.

И теперь Доктор Бруно — простой врач со своей отполированной легендой. Родители погибли в автокатастрофе, когда училась на первом курсе. Ни мужа, ни детей, ни обременяющих связей. Идеально. Даже слишком.

Вряд ли хирургия для меня призвание, но годы учебы в престижнейшем университете Флориды дали мне отличное преимущество на собеседовании. Хирург-травматолог. Даже смешно. На такую можно и клюнуть. И я, блять, надеюсь, что он заглотит крючок. Иначе, мне придется его сталкерить, чтобы он обратил на меня внимание.

Скидываю ветровку и прохожу в ванную. Есть час до начала смены в клинике. Этого хватит на горячий душ и чашку кофе.

Было бы проще притвориться шлюхой.

Серьезно. Нацепить юбку покороче, подкараулить Марчелло в баре, развести на секс и пустить пулю в лоб, когда он кончит. Чисто, быстро, никаких сложностей.

Но шлюх не пускают в семью.

Анна — идеальный пример. Она трахалась с ним полгода и знает не больше, чем написано в открытых источниках. Потому что он не дурак. Потому что его ближний круг — это не те, кто раздвигает ноги. Это те, кто может убить.

Или те, кого он любит.

Горячая вода обжигает кожу, пар застилает глаза.

Две недели.

Четырнадцать дней я здесь, и до сих пор просыпаюсь с мыслью: ты в логове врага. Забавно, что враги даже не знают, что я существую.

За это время я узнала о Марчелло Калабреззи больше, чем за двенадцать лет ненависти. Оказывается, ненавидеть можно абстрактного монстра. А вот изучать реального человека — совсем другое.

Обедает он всегда в одном месте. «Il Bastardo» — ирония названия просто убивает. Ресторан в центре, свой, конечно. Занимает отдельный кабинет в глубине зала. Чаще всего заказывает стейк прожарки medium rare. Пьет виски со льдом, но только если не за рулем. Если занят — обед ему привозит Санти. Его помощник. Преданный настолько, насколько и кровожадный. Если судить по виду. Как гребаный ротвейлер.

Закрываю воду. Вытираюсь и прохожу к шкафу. Белье я обычно не ношу, но раз уж играю роль примерной девочки из хорошей семьи, то, пожалуй, кружевной комплект в образ впишется идеально. Кофейный брючный костюм и удобные бежевые лодочки на шпильке. И вот, в зеркале уже на меня смотрит доктор Франческа Бруно.

На ходу делаю глоток остывшего кофе из своей чашки и, подхватив ключи от машины, выхожу. Светло-серая спортивная ауди ждет меня на парковке и я не могу сдержать улыбку. Эта машина — подарок Лоренцо. Он не смог отказать себе в удовольствии порадовать меня перед отъездом в Филадельфию. Если честно, только он и мог выбрать машину, настолько мне подходящую.

Рык двигателя отзывается приятной вибрацией во всем теле и я медленно выруливаю на шоссе. Опаздывать на работу нельзя. Через двадцать минут, не попав ни в одну пробку, я уже в клинике.

Идеальное место, чтобы прикрывать грязные делишки семьи. Клиника современная, светлая, пахнет стерильностью и деньгами. Частная, для тех, кто может себе позволить. В том числе — для семьи Калабреззи.

Приемная, пациенты, рентген, снимки. Рутинная работа, которая отвлекает от мыслей. Переломы, вывихи, растяжения. Спортивные травмы, бытовые, иногда — криминальные.

Их я узнаю без проблем. Сломанные пальцы у мужчины лет сорока не вызывают ни малейшего сомнения — били молотком точно по суставам. Наверное, должен был заговорить. Не заговорил.

— Восстановление будет длительным, — говорю я ровно. — Но, к сожалению, подвижность кисти останется ограниченной.

Он кивает. В глазах — ни боли, ни страха. Только усталость.

Интересно, чьих рук дело? Марчелло? Или его людей?

К концу дня голова гудит. Не от работы — от мыслей. Каждый пациент, каждая травма — это информация. Это почерк семьи Калабреззи. Это знание того, с кем я имею дело. И чем больше я это вижу, тем больше хочу, чтобы все они сдохли.

Снимаю халат, мою руки. На стене раздевалки огромные круглые часы, показывающие половину шестого.

Самое время навестить Розу. Как раз смогу забрать свое платье.

Завтра состоится благотворительный прием. Клиника, где я теперь работаю, проводит ежегодный сбор средств. Будут все. Все, кто что-то значит в этом городе. Будут Калабреззи. Будет он.

Идеальное время для знакомства.

Не задерживаясь, выхожу из клиники и еду в центр города. Останавливаюсь возле химчистки с неприметной вывеской «Rosa». В моих руках уже два стаканчика горячего латте.

Колокольчик звякает, когда я захожу. За стойкой женщина лет пятидесяти, темные волосы, усталые, чуть покрасневшие глаза.

— Добрый вечер, Франческа, — улыбается она.

— Роза, — я наклоняюсь через стойку и легко касаюсь губами ее щеки. Протягиваю горячий дымящийся кофе.

Женщина улыбается и погружается в оживленный рассказ о своих внуках.

С Розой я познакомилась отнюдь не случайно. Подобраться к Калабреззи напрямую довольно сложно. В отличие от его помощника. На следующий день после прибытия в Филадельфию, Санти стал обладателем весьма эффективного отслеживающего устройства. Пришлось протаранить его прямо на выходе из ресторана с заказом для шефа. Он же меня и пригласил к этой милой пуэрториканке, которая, как оказалось, дважды в неделю убирает пентхаус Марчелло.

Вот уже несколько дней я ношу ей кофе и болтаю о ерунде. А она, кроме чистых вещей, дает мне всю необходимую информацию, сама того не подозревая.

— Ты сегодня успеваешь забрать Карлоса с занятий? — поддерживаю я диалог о ее внуке.

Роза устало вздыхает, смотрит на меня поверх стакана с кофе. Ее лицо озаряет чуть грустная улыбка.

— Сегодня ему придется задержаться в школе.

— Много работы? — спрашиваю, чуть наклонив голову.

— Хозяин завтра посещает какое-то важное мероприятие, — она пожимает плечами. — Нужно навести порядок в его доме и подготовить смокинг.

Отлично. Теперь в том, что Марчелло придет на прием, сомнений нет. Он в городе. Я притворно хлопаю себя ладонью по лбу и торопливо достаю из сумки бумажник.

— Я совсем забыла про свое платье!

Роза, усмехнувшись, уходит вглубь зала и почти сразу возвращается с большим светлым чехлом на вешалке.

— А я думала — уже и не вспомнишь. Я такой красивой ткани давно не видела. Очень тебе подойдет.

Я касаюсь ее предплечья.

— Спасибо тебе! Ты моя спасительница. Иначе, клянусь, я бы ни единой складки отпарить не смогла. Моя волшебница, — я чмокаю ее в щеку и, махнув рукой, выхожу к машине.

Вечереет, зажигаются фонари. Филадельфия готовится к ночи. А я готовлюсь к завтрашнему дню.

Дома вешаю платье на дверцу шкафа. Тёмно-синий шёлк. Завтра я надену его и пойду на благотворительный приём. Буду улыбаться, пить шампанское, делать вид, что я обычный врач, которому повезло попасть в хорошую клинику.

Телефон вибрирует в сумке. Никки.

— Привет, — отвечаю я, падая на подушки.

— Ты одна? — голос сестры бодрый, несмотря на поздний час.

— Да, — я закатываю глаза. Сейчас будет допрос.

— Рассказывай.

— Что рассказывать? — усмехаюсь. — Работаю. Скучаю. Жду завтра.

— О, завтра! — она тянет слово, как мурлычущая кошка. — Завтра большой день. Ты готова?

— Всегда готова.

— Платье выбрала? — этот вопрос заставляет меня прикрыть глаза рукой. Кто о чем, а Никки о шмотках.

— Темно-синее.

— Декольте?

— Приличное.

Никки фыркает в трубку.

— Фрэн, ты убиваешь мою веру в человечество. Надеюсь, задница хотя бы выглядит соблазнительно?

— Я думала об эффективности, а не о соблазнении.

— Эффективность в нашем деле — это когда он смотрит на твою задницу и не может думать ни о чем другом.

Закатываю глаза, но уголки губ предательски ползут вверх.

— Ты несправима.

— Я практична. Кстати, Энцо велел передать, что заключил сделку с Калабрезе.

Сажусь на кровати.

— Что?

— Они платят за порт. Лично встречался с твоим красавчиком.

— Он не мой красавчик, — снова откидываюсь на подушки. Интересно.

— Пока нет. — Никки хмыкает. — Энцо говорит, тот странно себя вел. Он не понимает: Калабрезе просто проверяет почву или реально что-то затевает за спиной отца.

— Эмилио хочет мира. Это официальная позиция.

— Марчелло — не Эмилио, — голос Никки становится серьезным. — Будь осторожна, Фрэн. Если он что-то затевает, ты можешь оказаться между двух огней.

— Между трех. Не забывай Вито.

Пауза. Слышу, как она вздыхает.

— Просто... не рискуй лишний раз.

Я молчу. Сестра — тоже. Слышу как Никки чиркает зажигалкой.

— Ты его ненавидишь. Ненависть застилает глаза, — тихо и как-то обреченно выдыхает Николетта.

Смотрю в потолок. Белый, чистый, чужой. Права ли она? Наверное. Может ли все пойти не по плану? Да я, блять, уверена, что все пойдет не так, как планировалось.

— Я справлюсь, — просто говорю я. Добавлять переживаний семье в мои планы не входило.

— Верю, — в её голосе снова появляются игривые нотки. — Слушай, может, тебе сегодня выдохнуть? Сходить в бар, снять какого-нибудь симпатичного парня. Чтобы завтра не смотреть на Марчелло голодными глазами.

— Я вообще не хочу на него смотреть.

— Вот именно. А если помотришь — начнешь сравнивать. А сравнивать должно быть с чем.

Никки Гамбино. У неё на всё есть теория.

— Я не пойду в бар. Мне нужно выспаться, — со смехом отвечаю я.

— Скучная ты. Ладно, целую. Завтра вечером хочу полный отчет. И не вздумай его убить в первую же минуту, — пауза. Поздоровайся сначала.

Смех непроизвольно вырывается из моей груди.

— Постараюсь.

— Люблю тебя, психопатка.

— Взаимно.

Отключаюсь. Телефон летит на кровать куда-то под ноги.

Интересно, о чем они говорили на сделке?

Встаю, подхожу к окну. Филадельфия горит огнями. Где-то там, в этом городе, спит человек, которого я должна уничтожить. Двенадцать лет я представляла его монстром. Чудовищем с глазами без дна. А он просто человек. У которого есть привычки, слабости, сестра. Который ест стейк medium rare и трахает ассистентку три раза в неделю.

Это почти разочаровывает.

Почти.

Никки права — я слишком напряжена. Если я подойду к нему с этой замороженной ненавистью внутри, он почувствует. Такие, как он, чуют опасность за версту. Нужно расслабиться. Нужно вспомнить, кто я.

Я — Франческа. Я — бастард. Я — охотник. И завтра я выхожу на охоту.

***

Отель «Ритц-Карлтон» просто образец пафоса. Белый мрамор, хрусталь, живые цветы. Лепнина на стенах, будто мы в гребаном Парфеноне. Гости стекаются в бальный зал — мужчины в смокингах, женщины в вечерних платьях, все улыбаются, все сияют, все врут.

Я сливаюсь с толпой. Беру бокал шампанского с подноса, делаю глоток. Пузырьки щеко-чут нос, но вкуса я не чувствую. Вообще ничего.

Осматриваюсь.

Зал огромный. Люди. Много людей. Мэр с женой, конгрессмены, владельцы заводов, банкиры.

Снова делаю глоток, сжимая бокал, улыбаюсь нужным людям, киваю знакомым по клинке.

И вот он. Марчелло Калабреззи.

В смокинге, идеально сидящем по фигуре. Темные волосы уложены безупречно, с блеском, как у истинного итальянца. Лицо — никаких эмоций, только легкая скука в черных глазах. Рядом с ним — женщина. Брюнетка в красном, эффектная, яркая. Не Анна.

Конечно, не Анна. Анна осталась в прошлом.

Он останавливается, здоровается с кем-то из гостей. Вежливо и холодно улыбается.

Внутри меня — тишина. Гулкая, до звона в ушах. Даже сердце бьется ровно, как метроном. Хотя я ожидала чего-то вроде волнения. Слишком долго я ждала этой встречи.

— Франческа! — голос сзади с трудом заставляет меня отвести взгляд от Марчелло и обернуться.

Доктор Грей, управляющий клиникой. Пятидесятилетний мужчина с седой бородой и масляным взглядом. Плохой врач и хороший менеджер. Поэтому он здесь, а не в операционной.

— Добрый вечер, доктор Грей.

— Как вы здесь? Не скучно одной? — его мясистая рука ложится мне на спину, отчего внутри все непроизвольно сжимается в один тугий узел отвращения.

Я вижу как смотрит этот старый развратник. Сначала на открытые ключицы и декольте, потом на плотно обтянутую сапфировым шелком грудь, затем на высокий разрез до самого бедра. Я почти физически чувствую его взгляд на своей коже. Мерзость.

— Я привыкла, — мягко улыбаюсь. Наклоняю голову ближе, чтобы говорить ему на ухо. Так интимнее, а значит безопаснее. Он точно не заподозрит меня в скрытых мотивах. — Но, честно говоря, не совсем понимаю протокол. Есть ли необходимость мне с кем-то познакомиться? Все-таки я новый человек в клинике...

— О, конечно! — он оживляется и с большим трудом отводит свой взгляд от моей груди. — Отличная мысль. Давайте я вас представлю нужным людям. Пойдемте.

Он берет меня под руку, ведет сквозь толпу. Знакомит с парой спонсоров, с главой попечительского совета, с владельцем сети аптек. Я киваю, улыбаюсь, запоминаю лица. Ни одного полезного. Все просто пешки.

Потом доктор Грей замирает. Смотрит куда-то поверх моей головы, и лицо у него становится такое... благоговейное.

— А вот с кем вам точно стоит познакомиться. Марчелло Калабреззи. Он много делает для города. И для медицины в том числе.

Сердце пропускает удар. Потом еще один. Противный металлический привкус появляется во рту, и я чувствую как по спине пробегает холодок. Как в моменты сильного волнения: сначала накатывает волна жара и тут же сменяется холодным липким ужасом.

— Идемте.

Я разворачиваюсь и он ведет меня через зал. Прокручиваю в голове заготовки. «Очень приятно. Доктор Бруно. Я много слышала о вашей клинике». Нет, слишком подобострастно. «Рада познакомиться, господин Калабреззи. Ваша семья много делает для Филадельфии». Слишком похоже на лесть. Боже, просто улыбнись и скажи «приятно познакомиться». Ты умная женщина, а не школьница. Главное — не смотреть слишком долго. Не сжимать его руку слишком сильно. Не убить его на месте.

Черт. Последнее — вслух, надеюсь, не сказала.

Каждый шаг дается тяжелее предыдущего.

Марчелло Калабреззи стоит у бара, в компании двух мужчин.

— Господин Калабреззи! Рад вас видеть, — доктор Грей сияет, как начищенный самовар. Марчелло поворачивается. Медленно, без особого энтузиазма. — Позвольте представить: Франческа Бруно, наш новый травматолог. Блестящий специалист, ее переманили из лучшей клиники Майами.

Калабреззи смотрит на меня.

Одна секунда. Вторая. Его взгляд скользит по лицу, задерживается на плечах, на разрезе платья — ровно на миг, — снова возвращается к глазам. Смотрит прямо.

— Франческа Бруно, — повторяет он, протягивая руку.

Я смотрю на протянутую ладонь. Все просто: нужно вложить свою руку, улыбнуться, сказать «рада знакомству». Все просто.

Все было бы просто.

Яркая красная вспышка на секунду затмевает все в голове.

— *Мама, мамочка!* — я шепчу едва слышно, пытаюсь соединить края уродливой раны на горле матери. — *Нет. Нет. Нет.*

Пальцы проваливаются в теплую, склизкую плоть.

Кровь. Везде кровь. На белой рубашке матери. На светлом паркете. На моей пижаме с оленями.

Моргаю.

Вдох.

Пальцы дрожат, я сжимаю их в кулак. Разжимаю. Натягиваю на лицо свою самую очаровательную улыбку из арсенала оболстительницы.

Я вкладываю свою ладонь в его.

Этим руками он перерезал горло моим родителям. Людям, которые меня любили.

— Приятно познакомиться, — говорит он.

Я смотрю в его глаза. Карие, почти черные. В них ничего нет. Ни интереса, ни тепла. Только вежливость. Холодная, отстраненная вежливость.

Выдох.

— Взаимно, — голос не дрожит. Хорошо. Я все еще контролирую себя.

Он кивает, отпускает мою ладонь. Уже смотрит поверх моей головы, ищет кого-то в толпе. Брюнетка в красном берет его под руку, сверлит меня взглядом.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Очевидно, от накатывающей истерики. Боже, что я делаю? Он меня даже не заметил. Кажется, я перестаралась с образом благовоспитанной женщины. Это все нервы. Это все ярость и гнев, что застилают глаза кровавой пеленой.

Я приказываю себе выйти из оцепенения. Все чувства будут потом. Все эмоции потом. И боль — тоже.

Он уже готов извиниться и отойти к другим гостям. Я не дам такого шанса. Не со мной.

— Прошу прощения, — вежливо говорю я. — Я должна поприветствовать своего профессора.

Я ухожу, не дождавшись ответа. Разворачиваюсь и иду в сторону выхода, оставив позади и Марчелло, и доктора Грея.

Спокойно. Медленно. Не бегу.

Но каждый шаг — как по битому стеклу.

Прохожу мимо официанта. Хватаю фужер с подноса. Выпиваю залпом, даже не чувствуя вкуса. Хотя готова поспорить, что он мерзкий.

Выхожу на улицу.

Воздух влажный, холодный, как перед дождем. Я прислоняюсь к стене справа от выхода, закрываю глаза. Дышу. Глубоко. Ровно.

Стараюсь дышать.

Раз. Два. Три.

В ушах шумит. Перед глазами — красный снег. Кровь.

Четыре. Пять. Шесть.

Он убил их. Он. Марчелло Калабреззи. Тот самый, который только что смотрел на меня пустыми глазами и не увидел ничего.

Семь. Восемь. Девять.

Я переоценила свои силы. Я думала, что смогу. Что ненависть даст сил. А она просто сжирает изнутри.

Десять.

Открываю глаза. Дрожащими руками достаю из сумочки сигарету, чиркаю зажигалкой. Снова. И снова.

Наконец прикуриваю.

Руки дрожат, пальцы не слушаются. Я хочу сделать вдох. И не могу.
Потому что прикосновение к нему, к Марчелло Калабрезе, не вызвало ледяной ярости, которую я ждала.

Оно вызвало только боль.

Откидываю сигарету в сторону и упираюсь ладонями в колени. Снова закрываю глаза.

Нужно дышать, Франческа.

Нужно жить, чтобы отомстить.

Смогу ли я это сделать?

Не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.